





---

ИМПЕРСКИЙ  
**СЫСК**  
*От Евгения Сухова*

---

Бросок на выстрел



МОСКВА  
2015

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
С91

**Сухов, Евгений.**

С91      Бросок на выстрел / Евгений Сухов. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 288 с. — (Имперский сыск от Евгения Сухова).

ISBN 978-5-699-83397-9

Вдали от города журналист Аристарх Русаков обнаружил труп мужчины. Убитым оказался водитель риелторской компании Василий Леваков. Журналист попытался поговорить с важной свидетельницей — подружкой убитого, но, как выяснилось, девушка пару дней назад погибла при странных обстоятельствах. Тогда Русаков отправился в охотхозяйство, куда часто приезжал с компанией Леваков. И здесь всплыл один странный факт: незадолго до убийства в охотхозяйстве бесследно пропал заядлый охотник Востриков. Пропал он глубокой ночью, в самом лучшем месте для засады на кабанов, прозванном Афенькиной протокой...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сухов Е., 2015  
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,  
2015

ISBN 978-5-699-83397-9

---

---

**Глава 1**  
**МОЙ ТРИУМФ,**  
**или**  
**ЗВОНОК ОТ ИВАНА ИВАНОВИЧА**

**М**оя последняя передача о групповом отравлении жителей Измайлово и окончании расследования этого дела с приложением диктофонной записи, сделанной мной у Ларисы, была настолько эффектной, что затмила мой прошлогодний успех, когда я нашел и изобличил убийцу популярного актера Игоря Санина.

Звонков в нашу телекомпанию, как в день показа, так и на следующий день, было, кажется, более двухсот. Конечно, позвонили почти все «остро отравившиеся», с которыми я свел знакомство (дело касалось непосредственно их, а потому они просмотрели все три передачи моей программы «Загадочные отравления в Измайлово: местная эпидемия или злой умысел?»). Наверное, позвонил бы и мой приятель, старик Храмов, если бы остался в живых, поскольку мы с ним как-то по-дружески сошлись, и, кажется, он мне всерьез симпатизировал, чего нельзя сказать о подавляющем большинстве жителей на

нашей планете, и произнес бы гневную речь, типа: «Молодец, парень! Так их, гадских сволочей! Мамоне поклоняются, больше видеть ничего не хотят! Выводи, парень, их всех на чистую воду...»

Лиза Масянина, новая сотрудница нашей телекомпании, посаженная шефом отвечать на звонки зрителей, время от времени, когда мы с ней встречались по работе, докладывала мне об этих звонках, порой подробно пересказывая их содержание.

— Вам опять звонили, Аристарх Африканыч, — говорила она, восторженно глядя мне в глаза. — Мужчина, представившийся Валерием Яковлевичем Колчановским, благодарил вас за ваш профессионализм и смелость, а некто просто Геша просил передать, что с кем с кем, а с вами он бы дерябнул граммов по пятьсот «белоголовой». А вот Никанор Перов позвонил буквально пятнадцать минут назад и сказал, что с таким человеком, как вы, можно идти в разведку.

— Спасибо, — ответил я, избегая смотреть в светящиеся восторгом глаза Лизы Масяниной, или Маси, как прозвали новенькую корреспондентку в нашей телекомпании.

— Вам звонил еще некто Марс Рафкатович, — продолжала Мася. — Он сказал, что «итэ атрави-

тельниса Ларисэ настоящая билят». Он что, азербайджанец?

— Он татарин, — слегка улыбнулся я Лизе. Непосредственные девушки мне всегда нравились, есть у меня такая слабость (никак не могу изжить). Они просто умиляют, отчего-то возникает желание их приласкать, шептать им разные слова... Впрочем, о своем умении нравиться такие девушки прекрасно осведомлены и пользуются этим в полной мере, заманивая мужчин в расставленные сети. Природа у них такая...

— А что такое по-татарски «билят»? — столь же непосредственно спросила Маша, поставив меня в довольно неловкое положение.

— Это не совсем по-татарски, — немного подумав, ответил я. — Это по-русски, но, так сказать, с татарским акцентом...

Маша задумалась, а потом до нее дошло:

— А-а, он имел в виду девушку легкого поведения самого низкого пошиба, которая всем, кто ни попросит, охотно и за малую цену разрешает себя...

— Да, именно такую девушку он и имел в виду, — прервал я добродушную Машу, опасаясь услышать из ее прекрасных уст нечто непотребное.

Бойкая сорокалетняя женщина Маша из женской палаты измайловской клинической боль-

ницы на Верхней Первомайской и Эмилия Карловна Кешнер, также отравившаяся молочными продуктами из магазина «Изобилие» на Измайловском бульваре (но к врачам обращаться не пожелавшая), звонили в редакцию несколько раз, пока не вышли на меня напрямую, чего и добивались. Маша хвалила меня, говорила, какой я молодец, что нашел эту «подлюку», травившую людей, и что если бы таких, как я, было бы больше, то и жизнь наша стала бы чище и лучше.

— Спасибо, но вы мне льстите, — мягко ответил я, соображая, какую бы подобрать причину поуважительнее, чтобы побыстрее отделаться.

— Отнюдь, она ведь... — произнесла Маша с жаром, употребив затем словечко, совсем ей не свойственное, и заключила наш разговор словами: — В общем, я вас очень уважаю и горжусь, что с вами знакома. И даже немножечко люблю, — добавила она многообещающе.

Как реагировать на признание, я определенно не знал. Ну, право, нельзя же воспользоваться беззащитностью женщины!

— Спасибо, — выдавил я. — Честное слово, от души.

— И это все? — Кажется, она даже немного обиделась.

Эмилия Карловна говорила много дольше.

Сначала рассказала мне, что совсем выздоровела и теперь с опаской будет относиться ко всему молочному, потом спросила о моих планах на ближайшее десятилетие, но таковых у меня не наблюдалось. А затем повторила свое приглашение заходить к ней без стеснения «если что», сказанное еще тогда, когда мы со Степой были у нее на квартире и брали интервью. Я, конечно, поблагодарил славную даму за приглашение и ответил, что, «если что», непременно ее навещу. Без стеснения...

И тотчас о ней забыл.

И еще один звонок, но совсем из иной «оперы». К телефону просили именно меня, я находился рядом, поэтому и взял трубку. Мужской голос взволнованно потребовал конкретно Аристарха Русакова. Когда я сказал, что это я и внимательно его слушаю, голос произнес:

— В овражке на Лесопильщикове пустоyre прямо напротив Сокольнического мелькомбината лежит труп. Когда он был человеком, то есть живым... его звали Василий Анатольевич Левков. Ему двадцать восемь лет, он работал водителем в компании «Бечет». Вам, надо полагать, это будет интересно...

— Простите, а кто говорит? — спросил я, невольно удивляясь звонку.

— Иван Иванович Иванов, — зычно ответил голос.

— А почему вы звоните мне, а не в полицию?

— В полицию, надо полагать, позвоните уже вы, — услышал я в ответ. — Когда обнаружите труп.

— Это чтобы меня записали в подозреваемые? — поинтересовался я с большой долей сарказма, продолжая надеяться, что сказанное всего-то глуповатый розыгрыш. Бывает, еще и не такое по телефону услышишь.

— Ну что вы! — Кажется, человек на том конце провода даже усмехнулся. — Подставлять вас никто не собирается. Тем более такого замечательного репортера. О вас весь город говорит!

— А почему вы звоните именно мне? — не унимался я.

— А потому, что вы специализируетесь на подобных случаях, — ответил мне человек, представившийся Иван Ивановичем Ивановым. — И у вас неплохо получается раскрывать преступления и отыскивать преступников.

— И вы хотите, чтобы это преступление было раскрыто именно мной?

— Я хочу, чтобы это преступление было просто раскрыто. У вас это получается очень хорошо. Вот и все, надо полагать...

— Иван Иванович, погодите, погодите, — торопливо произнес я, чувствуя, что человек на том конце провода сейчас завершит разговор. — А что вы можете еще сказать об этом Левакове? Вы его знаете?

— Больше ничего, — ответил господин Иванов. — Что хотел, я все сказал. Желаю удачи...

Связь прервалась. Я положил трубку и какое-то время смотрел на телефонный аппарат. Интересное кино получается... Такого со мной еще не бывало. Впрочем, с человеком все когда-нибудь случается впервые. *Надо полагать.*

Я вздохнул, поднялся и потопал к шефу.

— Разрешите, Гаврила Спиридонович?

— Да, проходи, — краем глаза взглянул на меня шеф и снова углубился в ворох бумаг. Что это были за листки, я, естественно, не знал, но, судя по его сосредоточенному взгляду, они являлись носителями весьма важной информации.

— Мне тут позвонили, — начал я.

— И? — не поднимая головы, спросил шеф.

— И сообщили, что на Лесоопилщикском пустыре прямо напротив Сокольнического мелькомбината в овражке лежит труп некоего Василия Анатольевича Левакова, двадцативосьмилетнего водителя компании «Бечет», — сказал

я таким бесцветным тоном, как будто речь шла о чем-то несущественном и маловажном. Да и заглянул-то случайно, только потому, что мимо проходил.

Гаврила Спиридонович резко поднял голову и посмотрел мне в глаза. В них он прочел мою неумную готовность мчаться сломя голову по первому приказу шефа хоть к горизонту, хоть за его линию, сметая на своем пути все преграды (и ведь не ошибся!), и обнаружил истый верно-подданнический блеск (вот здесь можно было и поспорить).

— Кто позвонил? — вежливо отведя взор, поинтересовался шеф.

— Иван Иванович, — просто ответил я.

— А кто это — Иван Иванович?

— Понятия не имею. Он так представился: Иванов Иван Иванович.

— Ясно, — констатировал шеф. — Стало быть, очередной аноним. Они всегда так представляются.

— Возможно, что и аноним, — согласился я с выводом шефа. — Но мне почему-то показалось, что он не врет.

— Интуиция, стало быть?

— Ага.

— И почему показалось?

— Не знаю. Почему-то...

— Ясно. И что ты от меня хочешь?

— Степу и машину со Степанычем, — быстро проговорил я. — Хочу все же сгонять на этот Лесопильщиков пустырь. Если трупа там нет, снимем со Степой передачу об этом пустыре. О нем много разных слухов ходит... Там ведь раньше кладбище заброшенное было. Призраки, и все такое.

— Хорошо, сгоняй, — немного подумав, ответил шеф, не решаясь смотреть мне в глаза.

— Спасибо, — лучезарно улыбнулся я.

На том и порешили...

---

---

## Глава 2

### ТАЙНЫ ЛЕСОПИЛЬЩИКОВА ПУСТЫРЯ, или МАТРЕНИНО ПРОКЛЯТЬЕ

**О** Лесопильщиком пустыре и правда ходило много слухов. Находился этот пустырь между двумя железнодорожными путями, по которым перегоняли в отстойники пустые составы. Пути сходились клином в один железнодорожный путь, и получался треугольник, с двух сторон ограниченный этими самыми путями, а с третьей стороны упирающийся в какие-то наполовину заброшенные мастерские, огороженные кирпичным забором.

Со стороны Сокольнического мелькомбината проехать на пустырь не представлялось возможным, поэтому наш водитель Степаныч повернул с улицы Небрунова обратно на улицу Русакова, затем пересек Лесопильщиков переулок и въехал в узкую улочку, застроенную двухэтажными каменными и деревянными домами, кажется, брошенными или вот-вот собирающимися таковыми стать.

Проехав до конца улочки, мы уперлись в бе-

тонный израненный забор с торчащей во все стороны арматурой. Вдоль него шла узкая дорога, и мы поехали по ней в надежде найти где-нибудь ворота. Ворота не было, зато метров через двести вдруг обнаружилось, что две бетонные секции в заборе напрочь отсутствовали, давая возможность проехать на пустырь. Степаныч повернул налево, въехал на пустырь и метров через сто встал, поскольку дальше шел бурьян высотой по грудь, а что было под ним — неизвестно.

— Все, приехали, — безрадостно объявил он и заглушил мотор. Мы со Степой вылезли, ступив на землю пустыря и озираясь по сторонам с некоторой опаской...

Пустырем он стал не так уж и давно. В конце шестидесятых прошлого столетия, когда еще не было ветки от Казанского вокзала в Николаевский отстойник, здесь стояли двухэтажные деревянные бараки, порой попадавшие нам на глаза, когда мы ехали сюда от Лесопильщикова переулка. Был здесь пивной павильон, где собирался рабочий люд после трудовой смены на Мелькомбинате № 1 имени наркома торговли и организатора продразверстки Александра Дмитриевича Цюрупы.

Еще раньше, задолго до революции, здесь находилась механическая паровая пилорама и дро-